

ДРУГАЯ МОСКВА: ВЗГЛЯД НА ГОРОД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОДЗЕМНЫХ РЕК

13.01.2015

О том, как можно преобразить Москву, освободив от труб подземные реки, в интервью "РБК-Недвижимости" делится своими рекомендациями глава архитектурного бюро "Остоженка" Александр Скокан

[КОММЕНТАРИИ](#)

Автор: Depositphotos/dutourdumonde

На территории столицы нашей Родины протекают 140 рек. Москва-река, Яуза, Сетунь, Сходня и загнанная в трубу Неглинка - вот, пожалуй, и все реки, которые могут перечислить москвичи. О том, как вернуть реки горожанам, как увидеть историю города через архитектуру, что делать с промышленной архитектурой, в интервью порталу "РБК-Недвижимость" рассказывает руководитель одного из старейших архитектурных бюро "Остоженка" Александр Скокан.

Москва-река

- Расскажите о вашем предложении в конкурсе на разработку градостроительной концепции территорий, прилегающих к Москве-реке. Были ли у вас неожиданные открытия, когда вы занялись изучением территорий, которые окружает реку?

- На конкурс было отведено катастрофически мало времени - всего два месяца. За этот срок можно успеть только "разбросать камни", поэтому, на мой взгляд, ни один из проектов-финалистов не мог дать полноценных ответов. И все же это было интересное путешествие,

тем более что нашими попутчиками стали сотрудники Института географии Российской академии наук.

Универсального предложения для всей реки нет, так как она распадается на отдельные фрагменты (от моста до моста и т. п.), которых мы насчитали 36. Для каждого фрагмента даны различные рекомендации. Надеемся по следам нашей работы сделать книгу, в которой суммируем все идеи и тем самым попытаемся компенсировать отчасти нехватку конкурсного времени.

Как и в конкурсе на Большую Москву (международный конкурс на создание концепции развития Московской агломерации 2012г. - *Прим. ред.*), мы предложили изменить угол зрения на проблему и поставить вопрос не о том, что в городе находится река, а наоборот - город стоит на реке. То есть нужно рассматривать реку не как одну из городских структур наряду с водопроводом, трамвайными линиями и метро, а как большую природную систему со всеми своими малыми реками, притоками, речушками и т. д. Только одних малых рек в черте города 140, из которых мы все знаем разве что Язу, Сходню, Сетунь. Пожалуй, мало кто из москвичей назовет еще какие-нибудь реки.

Подземные реки

- Где же они?

- Давайте я расскажу на нескольких примерах. Вы знаете систему прудов в Московском зоопарке? Это не что иное, как продолжение и запруда речки Пресня, впадающей в Москву-реку возле Белого дома. Кстати, Горбатый мост стоит на этой реке, которая давно то ли исчезла, то ли заключена в трубу, а когда-то дотягивалась до Патриарших прудов.

Все мы слышали о Неглинной, которая давным-давно текла в открытую, а потом была заключена в трубу. И вся система бульваров от Трубной площади до Третьего кольца не что иное, как бывшая долина этой речки и ее притоков. И пруды близ Селезневской улицы - тоже фрагмент этой водной системы.

А теперь вспомните, как вы едете по Севастопольскому проспекту. И вдруг после пересечения с Нахимовским он опускается, затем опять поднимается. Вы проезжаете эту низину и не очень понимаете, что происходит. А на самом деле в этом месте проспект пересекает долину реки Котловка, которая впадает в Москву-реку напротив ЗИЛа. Неподалеку от этого места, где Варшавское шоссе спускается, ныряя под железнодорожный мост, - это тоже часть Котловки. К участку этой реки имеет также отношение и склон известного москвичам горнолыжного комплекса "Кант", расположенный недалеко от метро "Нагорная". И все эти воспринимаемые совершенно разрозненно городские сюжеты объединены тем, что это все долина реки Котловки.

Возьмем другую речку - Городня, которая впадает в Москву-реку на юго-востоке почти рядом с МКАДом. На ней находятся Борисовские пруды, а выше по течению - Царицынские пруды с

дворцовой застройкой по берегам, дальше мы увидим следы этой речки в Ясеневском парке. Если мы посмотрим на привычную московскую жизнь как-бы сквозь речную призму, то увидим совсем другой город.

- Можно ли как-то вернуть эти реки горожанам?

- Как известно, реки, текущие в трубах или заключенные под землю, не самоочищаются, это мертвая вода. Не все, конечно, но какую-то часть из этих рек вполне можно восстановить, вернуть к жизни.

Например, можно сделать каскады прудов, вдоль берегов сажать специальные растения, способствующие их очищению. Даже там, где реки безнадежно засыпаны, следы их можно увидеть, так как в этих местах лучше растут деревья благодаря более плодородной земле. Таким образом, реабилитируя малые реки, мы будем улучшать экологический баланс в городе, а не просто сделаем велодорожки вдоль 80 км набережных Москвы-реки в черте города.

И если Москва-река - общегородская и даже общегосударственная река, то все эти котловки, городни, нищенки и т. д. - сугубо местные явления. Жителей района, например, Нижние Котлы или какого-то другого можно попытаться организовать на реконструкцию своей реки и своего парка вокруг нее. Это могло бы стать поводом для локального патриотизма, где есть "мой дом", "мой парк", "моя Котловка". Если мы научимся любить и приводить в порядок свой малый дом, то более осмысленно начнем относиться ко всей остальной территории нашей прекрасной Родины.

О новой архитектуре на промзонах столицы

- Вы ранее говорили, что, работая над районом Остоженка, отталкивались от средового подхода к городскому планированию и к архитектуре. Сейчас активно в оборот входят территории промзон Москвы. Должен ли на промышленных территориях сохраняться индустриальный ДНК, например, в виде лофтов или еще каким-то образом? Или там целесообразно было бы все снести, очистить территорию от вредных веществ и построить то, что не похоже на исторические образцы?

- Это хороший вопрос. На мой взгляд, безусловно, должен. Промышленная история - часть истории места, нашей страны и целой исторической эпохи - индустриализации. Неправильно, если мы каждый раз будем выбрасывать какие-то куски нашей истории. Мы должны научиться не стыдиться ее следов.

Скажем, на ЗИЛе как у города в городе внутри есть свои улицы и площади, по которым раньше ходили автобусы. И было бы странно, если бы, приходя сюда с новой функцией, мы специально изменили всю существующую планировочную сеть. Она в основном сохранится, но изменится застройка: вместо промышленных сооружений появятся жилые, общественные, коммерческие здания.

А вот печальный случай. В районе Остоженки когда-то размещалась фабрика Бутикова, откуда и название Бутиковского переулка. В 1990-е гг. ее закрыли. Когда к нам в бюро приходили девелоперы, мы рассказывали, как было бы хорошо сохранить старинные цеха, организовать в них модные лофты. Но в начале и середине 1990-х гг. слово "лофт" никого не вдохновляло. Все смотрели с удивлением и спрашивали: "А что это такое?" Сейчас там последние корпуса доламывают, и очень жалко.

Есть разные способы сохранять память места. Например, на первой линии набережной в районе все той же Остоженки достраивается по нашему проекту "Кленовый дом". Когда-то на этом месте располагался парк, который спускался к реке. Это был парк с так называемым "заведением Лодера". Люди там пили минеральные воды, гуляли, а местные жители говорили про них - дескать, "лодыря гоняют". От парка давно ничего не осталось, потому что на его месте во второй половине XIX в. тогдашние Лопахины построили фабрику, затем в уже советское время появился цементный завод для возведения Дворца Советов.

Нам казалось, что какие-то фрагменты истории надо сохранять, поэтому, когда строили этот дом, в больших окнах (3 м x 3 м) мы сделали рисунок деревьев серебристой линией. Когда проходишь мимо, сначала это вызывает недоумение: видишь как будто отражение деревьев, а деревьев вокруг нет. Но это и есть память места, которая кого-то заставляет задуматься, открыть книгу или страницу в Интернете, чтобы посмотреть историю места. Мне кажется, что долг архитектора, градостроителя не зачеркивать историю, а оставлять такие зацепки, которые могут в какой-то степени усложнять и обогащать нашу жизнь, иначе она становится одномерной, скучной, неинтересной.

О Волхонке, Остоженке и Храме Христа Спасителя

- В МУАРе вы представляли макет и исследование района Волхонки, который находится рядом с Остоженкой. А по духу они связаны? Какая дальнейшая судьба у этого района, на ваш взгляд?

- Эти два района - как два крыла. Их судьба тесно связана с тем, что происходило на месте, где расположен храм Христа Спасителя. Так, например, за время 30-летнего строительства здания храма в XIX в. и его существования в течение порядка 40 лет на территории Остоженки, прилегающей к храму, появилась капитальная и более дорогая застройка. Потом, по Генплану 1930-х гг., от Дворца Советов, который планировали построить на месте взорванного храма, к Ленинским горам (сейчас это снова Воробьевы горы) через Остоженку должны были пройти широченные проспекты. Эти территории были зарезервированы, то есть практически законсервированы до начала 1990-х гг.

Территория Волхонки также оставалась в тени запланированного строительства Дворца Советов. Например, на углу Волхонки и Гоголевского бульвара стоит Институт русского языка, затем правительственная бензоколонка и ГМИИ им. А.С. Пушкина, а между ними - разрыв. Почему? Там строили станцию метро "Дворец Советов", потому всю расположенную на ней застройку снесли. А почему станция "Кропоткинская" такая красивая и дворцового характера? Потому что это изначально был подземный вестибюль Дворца Советов, который так и не построили, а на его месте позже появился бассейн. Когда решили воссоздавать храм Христа Спасителя, его уже не могли возвести точно на том же месте, где он был раньше, из-за мощного фундамента дворца. В результате его построили по оси Двора Советов. То есть история не проходит бесследно.

Чем отличаются кварталы от микрорайонов

- Московские власти начали акцентировать внимание девелоперов на строительстве квартальной, а не микрорайонной застройки. Можете рассказать, в чем принципиальная разница?

- Любая городская застройка, начиная с древних Китая, Египта и Греции, создавалась по простому принципу: были улицы, а то, что между четырьмя улицами, - квартал. Размер

кварталов в европейских городах примерно 100-150 м в длинную сторону и 60-80 м по короткой стороне.

Застройка квартала может быть любой. Если посмотреть, например, на план Нью-Йорка, он весь состоит из прямоугольных кварталов. Каждый квартал делился на парцеллы - землевладения или домовладения. Вначале это были двухэтажные домики, потом соседние парцеллы скупались и укрупнялись и на них строились более высокие дома. "Отцы города" договорились, что около 150 кварталов будут исключены из застройки и на их месте появится Central Park, а через сто лет на территории одного из стандартных городских кварталов (70 м x 130 м) возник стоэтажный Empire State Building. То есть квартальная система очень гибкая.

В середине XX в. возникла идея, что квартальная система - это жестко и негуманно. Был придуман "микрорайон". Это другая городская единица, не столько территориальная, сколько социальная: там помимо жилых домов должны быть школы, дошкольные учреждения, комбинат бытового обслуживания и т. п. Микрорайоны уже стали окружать не улицы, а магистрали, внутри - проезды. При социализме, когда строились не города, а микрорайоны, проблемы раздела социальной ответственности за территорию не возникало. А последние лет десять, когда появились ТСЖ, зоны ответственности, заборы и шлагбаумы, оказалось, что всю старую микрорайонную структуру поделить практически невозможно. Отчасти и поэтому решили вернуться к квартальной застройке. Это восстановление города таким, какой он нам понятен: вот моя улица, мой дом и мой двор.

- В Москве есть примеры квартальной застройки?

- Это практически вся дореволюционная застройка и то, что строили в 40–50-е гг. Но квартальная застройка тоже может иметь свои минусы - излишняя замкнутость, дворы-колодцы, проблемы с освещенностью и инсоляцией. Поэтому мы не должны возвращаться туда, откуда ушли в поисках гуманной среды в начале XX в. Нужно найти компромисс между этими опытами, чем сейчас и занимаются архитекторы.

- Каковы ваши ожидания относительно 2015г.? Не помешают ли кризисные явления в экономике работе и творчеству московских архитекторов?

- Архитектор - созидатель по определению, он занимается будущим, проектирует его. А если ты не веришь в будущее, то нужно искать другое занятие. Тем не менее здравый смысл подсказывает, что 2015-й может быть хуже предыдущего года, и вопрос - насколько хуже. Все очень зыбко и неопределенно, но профессия обязывает быть оптимистом.

Справка об архитектурном бюро "Остоженка":

В 2014г. бюро отметило 25-летний юбилей со дня основания. Первой работой коллектива, состоявшего из четырех архитекторов, был проект реконструкции территории микрорайона "Остоженка". Отсюда и название бюро, которое в течение первых лет занималось в основном проектированием объектов в микрорайоне. Затем проектная деятельность бюро вышла за рамки этой территории. Объектами проектирования были как новые, так и реконструируемые существующие исторические здания. Среди последних знаковых работ - проект общественно-делового комплекса с центром художественной гимнастики на Верейской улице в Москве и проектные работы по крупному жилому комплексу в районе столичного Сити. В 2014г. архитекторы участвовали в двух выставках и шести архитектурных конкурсах, представили в Музее архитектуры им. А.В. Щусева проект-исследование кварталов Волхонка, принимали участие в биеннале "АРХ-Москва", по

итогам которой бюро было признано лучшим в номинации "Архитектор года". В числе крупнейших международных конкурсов, в которых архитекторы стали финалистами, - конкурс на создание концепции развития Московской агломерации (2012г.) и конкурс на концепцию развития территорий, прилегающих к Москве-реке (2014г.).

Подготовила Елена Лыкова